

ЛУЧШИЕ ИСТОРИИ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА

ОТ АВТОРОВ, ЧЬИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
СТАЛИ КУЛЬТОВОЙ КЛАССИКОЙ

Эмиль Габорио – выдающийся французский писатель, один из основателей и признанный мастер детективного жанра. Его романы переведены практически на все языки мира. Последователями Габорио были такие выдающиеся авторы, как Роберт Льюис Стивенсон и Артур Конан Дойль. Произведения Габорио неоднократно экранизировались.

Господин Лекок – настоящий гений сыска. Славу грозы преступного мира он обрел благодаря тонкому чутью и незаурядной предприимчивости. Талантливому сыщику под силу раскрыть самое запутанное дело. Ради этого Лекок даже готов рискнуть жизнью. Тем более, что ему не привыкать ставить на карту все... Особенно, когда дело касается страшного и загадочного убийства женщины, чье тело было найдено на берегу Сены местными браконьерами...

ISBN серии

ISBN 978-617-12-4727-7

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5411-4

ЭМИЛЬ
ГАБОРИО

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
В ОРСИВАЛЕ

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ДЕТЕКТИВА

ЭМИЛЬ
ГАБОРИО

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
В ОРСИВАЛЕ

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ДЕТЕКТИВА

ЭМИЛЬ ГАБОРИО

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
В ОРСИВАЛЕ

Роман

УДК 821.133.1.0
Г12

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Печатается по изданию:
Преступление в Орсивале : французский классический детектив /
Эмилио Габорио, Гастон Леру, Морис Леблан. — Л. :
Лениздат, 1990. — 640 с.

Перевод с французского *Елены Баевской, Леонида Цывьяна*

Дизайнер обложки *Алина Ачкасова*

ISBN 978-617-12-4727-7 (серия)
ISBN 978-617-12-5411-4

- © Цывьян Л. М., Баевская Е. В., перевод на русский язык, 2018
- © Depositphotos.com: tolokonov, stocksnapper, обложка, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ОРСИВАЛЕ

I

В четверг 9 июля 186... года Жан Берто по прозвищу Подшофе и его сын, известные всему Орсивалю браконьеры и огородные воры, поднялись с зарей в три утра и отправились на рыбную ловлю. Нагруженные снастями, они шли по живописной, обсаженной акациями дороге, что спускается от Орсиваля к Сене и прекрасно видна со станции Эври.

Они направлялись к своей лодке, причаленной, как обычно, метрах в пятидесяти выше железнодорожного моста у низкого лугового берега по соседству с «Тенистым долем», прелестным поместьем графа де Тремореля.

На берегу они сбросили снасти на землю, и Жан Подшофе полез в лодку вычерпать воду. Орудя черпаком, он обнаружил, что одна из уключин их дряхлой посуды дышит на ладан.

— Филипп! — крикнул Подшофе сыну, распутывающему сеть вентера, ячейки которой любой речной сторож счел бы непозволительно мелкими. — Филипп! Принеси какую-нибудь палку сделать уключину.

— Сейчас, — ответил Филипп.

Но на лугу деревья не растут. Посему Филипп отправился в парк поместья, находящийся буквально в нескольких шагах, и, не обращая внимания на статью 391 Уголовного кодекса, перебрался через довольно широкую канаву, окружающую владения графа. Он собрался срезать сук с одной из старых плакучих ив, купающих свои ветви в речных струях. Воровато оглянувшись, он вытащил из кармана нож и вдруг истошно закричал:

— Отец! Отец!

— Ну чего тебе? — не чуя беды, поинтересовался старый браконьер.

— Иди сюда! Ради бога, скорей сюда!

По изменившемуся голосу сына Жан Подшофе понял, что случилось нечто из ряда вон выходящее. Подгоняемый тревогой, он бросил черпак и ринулся в парк. То, что он увидел, испугало его не меньше, чем Филиппа.

На берегу в зарослях ирисов и тростника был распростерт труп женщины. Ее длинные распущенные волосы запутались среди водяных растений; серое шелковое платье, превратившееся в лохмотья, было в грязи и пятнах крови. Ногами она лежала на берегу, а лицом в воде — уткнувшись в ил.

— Убийство, — пробормотал Филипп, и голос его дрогнул.

— Да уж точно, — равнодушно отозвался Подшофе. — Интересно, кто она? Вроде, смахивает на графиню.

— Пошли глянем, — предложил юноша и уже шагнул было к трупу, но отец схватил его за руку.

— Ты что, спятил? Нельзя прикасаться к телу убитого до прихода властей.

— Тогда пошли скажем мэру.

— Чего ради? Здешние и так нас не больно жалуют. А вдруг они решат свалить это на нас?

— Все равно, отец...

— Ха! Если мы сообщим господину Куртуа, он тут же заинтересуется, как мы оказались в графском парке. Ну, убили графиню — тебе-то что до этого? Найдут ее труп и без нас. Пошли отсюда.

— Нет, надо заявить, — после недолгого раздумья отрезал Филипп. — Мы же люди, не дикари какие-нибудь. А господину Куртуа объясним, что труп мы заметили, проплывая на нашей посудине мимо парка.

Подшофе поначалу противился, но, видя, что сын готов идти и без него, сдался. Они вновь перебрались через ров и, бросив снасти на берегу, скорым шагом отправились к дому орсивальского мэра.

Орсиваль, расположенный на правом берегу Сены в пяти километрах от Корбейля и в двадцати минутах ходьбы от железнодорожной станции Эври, — одна из самых прелестных деревушек в окрестностях Парижа.

Парижане, которые шумными, хищными толпами налетают, подобно саранче, на соседние селения, пока еще не открыли ее для себя. Кабачки не заглушили еще тошнотворными кухонными запахами аромат жимолости. Песни горожан, катающихся в лодках, ритурнели корнет-а-пистонов на танцах здесь еще не спугнули эхо.

Белые домики в ласковой тени деревьев и церковь с новенькой колокольней, предметом гордости орсивальцев, уютно расположились на склоне холма, подножие которого омывает Сена.

Со всех сторон деревню окружают большие загородные имения, содержание которых стоит немалых денег. Сверху можно увидеть флюгера замков — их там десятка два.

Справа находится лес Мопревуар и очаровательный крохотный замок графини де ла Бреш; напротив, на том берегу реки, — бывшее имение Агуадо¹, ныне принадлежащее знаменитому каретнику г-ну Биндеру; вон те высокие деревья — поместье графа де Тремореля; это — обширный парк д'Этиолей; там, внизу, — Корбейль, а вон то огромное здание, крыша которого выглядывает из-за столетних дубов, — мельница Дарбле.

Мэр Орсиваля жил на самой вершине холма в одном из тех домов, какие могут присниться разве что в сладостном сне о стотысячной ренте. В прошлом фабрикант-текстильщик, Куртуа начинал свою коммерческую карьеру без гроша в кармане, но после тридцати лет упорных трудов завершил ее с состоянием в кругленькую сумму четыре миллиона. И тогда он решил зажить спокойной жизнью в кругу жены и дочерей, зиму проводить в Париже, а лето на лоне природы.

Однако внезапно жизнь его стала бурной и беспокойной. А все дело в том, что в сердце у него завелся червь тщеславия. Г-н Куртуа приложил массу усилий, чтобы его попросили стать мэром Орсиваля. И когда его попросили, он согласился — против воли, как он будет вас уверять. Пост мэра — предмет его отчаяния и блаженства одновременно. Отчаяния — показного, блаженства — подлинного и таимого в глубинах души.

¹ Агуадо, Александр (1784—1842) — банкир, коллекционер произведений искусства и натуралист. — *Здесь и далее примеч. перев.*

О, г-н Куртуа прекрасен, когда с нахмуренным челом клянет тяготы власти, но еще прекрасней он, когда, опоясанный шарфом с золотыми кистями, торжественно выступает во главе муниципалитета!

В доме мэра все еще спали, когда отец и сын Берто принялись колотить тяжелым молотком в двери. Прошло довольно много времени, прежде чем в одно из окон первого этажа выглянул полуодетый и полусонный слуга.

— Вы что, негодяи, взбесились? — разгневанно спросил он.

Подшофе предпочел не заметить оскорбления, кстати, вполне соответствующего репутации, которая закрепилась за ним и его сыном среди жителей коммуны.

— Господин Батист, нам нужно срочно поговорить с мэром. Разбудите его, он не станет вас бранить.

— Чтобы меня когда-нибудь бранили? — возмутился слуга.

Потревожить хозяина Батист решил лишь после десятиминутных препирательств и разъяснений. Наконец оба Берто предстали перед кругленьким, багроволицым г-ном Куртуа, который был крайне недоволен тем, что его вытащили из постели в такую рань.

— Господин мэр, — начал Филипп, — мы пришли сообщить о большой беде. Мы уверены, что в поместье графа де Тремореля совершено преступление.

Г-н Куртуа, друживший с графом, от такого известия побледнел, как полотно.

— О боже! — не владея собой, пробормотал он. — Что вы несете, какое преступление?

— Мы только что своими глазами видели убитую женщину, и, похоже, это графиня.

Почтенный мэр в полном замешательстве воздел руки к небу.

— Где? Когда?

— Только что в парке у реки. Мы плыли вдоль берега, хотели проверить верши.

— Какой ужас! — бормотал г-н Куртуа. — Какое несчастье! Превосходнейшая женщина! Нет, это невозможно, вы ошиблись, меня бы уведомили...

— Да мы точно видели, господин мэ́р.

— У меня в коммуне такое преступление! Но вы правильно сделали, что пришли. Я мигом оденусь, и мы поспешим... То есть нет, погодите. — И после минутного размышления г-н мэ́р крикнул: — Батист!

Слуга был неподалеку. Приникая то ухом, то глазом к замочной скважине, он с упоением подслушивал и подглядывал. Едва раздался зов хозяина, он тут же распахнул дверь.

— Беги к мировому судье, — приказал мэ́р, — нельзя терять ни секунды. Речь идет о преступлении, может быть, даже об убийстве, так что скажи, пусть он, не мешкая, идет сюда. А вы, — обратился он к обоим Берто, — ждите меня здесь, я только пальто накину.

Орсивальский мировой судья, которого все звали папашей Планта́, некогда был преуспевающим стряпчим в Мелёне. В возрасте пятидесяти лет он в один месяц потерял жену, которую боготворил, и двоих очаровательных сыновей: одному было восемнадцать, другому двадцать два. Эти последовавшие друг за другом утраты сразили его, разучившегося за тридцать лет благоденствия противостоять несчастьям. Долгое время опасались за его рассудок. Папашу Планта выводил из себя один вид клиента, пришедшего отвлекать его от безутешного горя дурацкими рассказами о своих делах. Поэтому никто не удивился, когда он за полцены продал свою адвокатскую контору. Он решил предаваться отчаянию в уединении, чтобы никто не мог ему в этом помешать.

Однако скорбь со временем притупилась, и на смену ей пришла тоска от безделья. В Орсивале оказалась вакантной должность мирового судьи, папаша Планта похлопотал и получил ее. Став мировым судьей, он скучал уже меньше. Этот человек, считавший, что жизнь его кончилась, вдруг начал интересоваться делами, с которыми обращались к нему как к судье. Он использовал все силы и средства незаурядного, пронизательно-го ума, чтобы выделить крупницы правды из тех нагромождений лжи, какие ему приходилось выслушивать.

Несмотря на увещания г-на Куртуа, папаша Планта предпочитал замкнутый образ жизни, утверждая, что любое общество

его утомляет, а несчастный человек всем в тягость. Свободное время, остающееся от судейских обязанностей, он посвящал своей несравненной коллекции петуний.

Несчастье, изменяющее характер человека либо в лучшую, либо в худшую сторону, превратило папашу Планта, по крайней мере внешне, в чудовищного эгоиста. Он заявлял, что жизнь интересует его не больше, чем пресыщенного театрального критика — игра на сцене. И еще он любил демонстрировать глубочайшее равнодушие ко всему, приговаривая, что если на Париж вдруг прольется огненный дождь, это не заставит его даже глянуть в сторону столицы. Взволновать, растрогать его казалось невыносимым. «Какое мне дело?» — были обычные его слова. Таков был человек, который через четверть часа после ухода Батиста явился к мэру Орсиваля.

Г-н Планта высок, худ, нервен. В его физиономии нет ничего примечательного. У него коротко стриженные волосы, неспокойный взгляд — все время кажется, будто он что-то высматривает, — длинный и острый нос. После перенесенных страданий его некогда изящно очерченные губы искривились, верхняя как-то одрябля, и это придает ему обманчиво простоватый вид.

— Мне сказали, — начал он прямо с порога, — что госпожа де Треморель убита.

— По крайней мере, так утверждают эти люди, — отвечал мэр, только что вернувшийся в прихожую.

Но теперь это был совершенно другой человек. У г-на Куртуа было время прийти в себя. И сейчас он пытался придать своему лицу выражение холодного величия. Он был крайне недоволен собой за то, что столь недостойно выказал перед Берто тревогу и скорбь. «Человека моего положения ничто не может взволновать», — сказал он себе. И г-н Куртуа, хоть и был возбужден до крайности, пытался выглядеть спокойным, невозмутимым, бесстрастным.

У папаши Планта это получалось куда натуральней.

— Случай крайне прискорбный, если только это правда, — промолвил он, стараясь придать своему голосу полнейшее без-

различие, — но нам-то в сущности что до этого? При всем при том следует незамедлительно пойти взглянуть, в чем там дело. Я послал оповестить бригадира жандармов, и он вскоре присоединится к нам.

— Идемте, — сказал г-н Куртуа. — Шарф у меня в кармане.

Шествие возглавляли оба Берто; Филипп был охвачен нетерпением и все прибавлял шаг, у старика Подшофе вид был мрачный и озабоченный. Г-н Куртуа всю дорогу не закрывал рта.

— Подумать только, — бормотал он, — убийство у меня в коммуне, где никогда не было ни единого преступления! — И мэр окинул подозрительным взглядом отца и сына Берто.

Дорогу к дому г-на Тремореля нельзя назвать живописной: с обеих сторон она зажата высокими, футов в десять высотой, оградами. С одной стороны находится парк маркизы де Ланаколь, с другой — обширный сад монастыря св. Жуана.

Предварительная беготня заняла довольно много времени, так что было уже около восьми, когда мэр, мировой судья и оба их проводника подошли к воротам поместья г-на де Тремореля. Мэр позвонил. Колокольчик был звонкий, дом отделяло от ворот не более шести метров посыпанного песком двора, однако из дома никто не вышел. Мэр позвонил громче, потом еще громче, потом изо всех сил, но, увы, тщетно.

У калитки замка г-жи де Ланаколь, расположенной прямо напротив, стоял конюх и начищал мундштук уздечки.

— Зря, господа, звоните, — заметил он. — В замке никого нет.

— Как никого? — изумился мэр.

— Ну, никого, кроме хозяев, — пояснил конюх. — Вчера вся прислуга на поезде в восемь пятнадцать вечера уехала в Париж на свадьбу мадам Дени, бывшей здешней кухарки. Они вернутся сегодня с первым утренним поездом. Я тоже получил приглашение...

— Боже! — вскричал г-н Куртуа. — Значит, граф и графиня оставались этой ночью одни?

— Да.

— Какой ужас!

Папашу Планта эта беседа, похоже, начала раздражать.

— Мы не можем, — заявил он, — бессмысленно торчать тут. Жандармов до сих пор нет, так что давайте пошлем за слесарем.

Филипп уже собрался сбегать за ним, как вдруг на дороге слышались пение и смех. И почти сразу же появились три женщины и двое мужчин.

— А вот и они! — возвестил конюх, явно заинтригованный столь ранним визитом. — У них должен быть ключ.

Слуги, заметив людей у калитки, примолкли и ускорили шаг. Камердинер графа даже припустил рысцой, опередив остальных.

— Вы хотите поговорить с господином графом? — осведомился он, предварительно поздоровавшись с мэром и мировым судьей.

— Мы уже раз пять звонили изо всех сил, — сообщил мэр.

— Странно! — удивился камердинер. — У господина графа очень чуткий сон. Видимо, он вышел.

— Господи! — воскликнул Филипп. — Оба убиты!

Это восклицание несколько отрезвило слуг, чья веселость свидетельствовала о том, что за здоровье новобрачных было провозглашено немало тостов.

Г-н Куртуа, похоже, крайне внимательно следил за реакцией старика Берто.

— Убиты, — пробормотал камердинер. — Это из-за денег. Кто-то, видать, пронюхал...

— Что-что? — всполошился мэр.

— Вчера утром господин граф получил очень крупную сумму.

— Ага, очень! — вступила горничная. — Вот такую пачку банковских билетов. Мадам даже сказала хозяину, что из-за этой кучи денег она всю ночь не сомкнет глаз.

Воцарилось молчание, все испуганно переглядывались. Г-н Куртуа задумался.

— В котором часу вы вчера ушли? — спросил он у слуг.

— В восемь. Вчера даже ужин подали раньше.

— Ушли все вместе?

— Да, сударь.

— И не разлучались?

— Ни на одну минуту.

— И вернулись все вместе?

Слуги обменялись какими-то странными взглядами.

— Вместе, — ответила горничная, видимо, отличавшаяся длинным языком. — То есть нет. Когда мы вышли на Лионском вокзале, Гепен отстал.

— Вот как?

— Да, сударь. Он сказал, что ходит по своим делам и встретится с нами в Батиньоле у Веплера, где праздновалась свадьба.

Мэр сильно толкнул локтем мирового судью, как бы призывая того быть начеку, и продолжил допрос:

— А потом вы видели этого Гепена?

— Нет, сударь. Я даже несколько раз за ночь интересовалась, не пришел ли он, потому что его отсутствие показалось мне подозрительным.

Горничная, очевидно, намеревалась продемонстрировать свою сверхъестественную проницательность; еще немного, и она заявила бы, что у нее были дурные предчувствия.

— Этот Гепен давно здесь служит? — прервал ее мэр.

— С весны.

— Чем он занимается?

— Его прислали из «Прилежного садовника», он ухаживал за редкими цветами в оранжерее мадам.

— А... про деньги он знал?

— Да! Да! — хором ответили слуги. — В людской о них было много разговоров.

— А Гепен, — ворвалась в разговор словоохотливая горничная, — прямо так и сказал мне: «Подумать только, у графа в секретере такие деньжищи, что нам всем хватило бы их до конца жизни».

— А что он за человек?

От этого вопроса языки у слуг словно присохли к нёбу. Все молчали, прекрасно понимая, что любое слово может послужить основанием для чудовищного обвинения. Однако конюх

из дома напротив, явно горевший желанием принять участие в разговоре, подобных опасений не испытывал.

— Гепен — отличный парень, а уж жизнь повидал... Господи, каких только историй от него не услышишь! Чего он только не испытал! Раньше, вроде, был богат и если бы пожелал... Работа у него в руках горит, а уж гульнуть или там погонять шары на бильярде — другого такого не сыскать...

Невнимательно, вполуха слушая эти показания, а верней сказать — болтовню, папаша Планта сосредоточенно рассматривал ограду и калитку. Вдруг он повернулся и, к великому возмущению мэра, прервал конюха:

— Ну хватит. Прежде чем продолжать допрос, неплохо бы посмотреть, что за преступление совершено, и совершено ли оно. Пока мы не имеем никаких доказательств этого. У кого из вас есть ключи?

Ключи были у камердинера, он открыл калитку, и все вошли во двор. Как раз появились и жандармы. Мэр велел бригадиру следовать за ним, а двоих поставил у ворот, приказав никого не впускать и не выпускать без его разрешения. Только после этого камердинер отворил дверь дома.

II

Если даже в доме графа де Треморея и не было совершено преступления, то явно случилось нечто из ряда вон выходящее; невозмутимый мировой судья понял это, едва переступив порог.

Стеклянная дверь в сад распахнута настежь, три стекла в ней разбиты. Клеенчатая дорожка, соединяющая все двери, сорвана, кое-где на белых мраморных плитах запеклись капли крови. Самое большое пятно виднелось у лестницы, а на нижней ступеньке была какая-то омерзительная грязь.

Почтенный г-н Куртуа, не созданный для подобных зрелищ и миссии, какую ему предстояло исполнить, едва не упал в обморок. По счастью, чувство собственной значительности и важ-

ности придадо ему энергию, в общем-то не свойственную его натуре. Чем трудней представлялось г-ну мэру расследование этого дела, тем сильнее хотелось ему довести его до конца.

— Проводите нас к тому месту, где вы обнаружили труп, — приказал он Берто.

— Мне кажется, — вмешался папаша Планта, — что разумней и логичней было бы начать с осмотра дома.

— Пожалуй, да... Действительно, я и сам так подумал, — ухватился за этот совет г-н Куртуа, как утопающий хватается за соломинку.

Он велел оставаться на месте всем, кроме бригадира и камердинера, прихваченного в качестве проводника по дому.

— Жандармы! — крикнул напоследок г-н Куртуа стражам, стоящим у ворот. — Следите, чтобы никто не вышел отсюда, никого не впускайте в дом, а главное, в сад!

После этого поднялись наверх. Вся лестница была в кровавых пятнах. Кровь была даже на перилах, и г-н Куртуа вдруг с ужасом обнаружил ее у себя на руке. На площадке второго этажа мэр спросил камердинера:

— Скажите, мой друг, у ваших хозяев общая спальня?

— Да, сударь.

— А где она расположена?

— Здесь, сударь, — ответил камердинер и в страхе попятился, тыча пальцем в кровавый отпечаток ладони на верхней филенке двери.

На лбу у бедняги мэра выступили капли пота, он тоже испытывал ужас и едва держался на ногах. Увы, порою власть налагает на ее носителей тяжкое бремя. Бригадир, старый солдат, проделавший Крымскую кампанию¹, стоял в полной растерянности. Один лишь папаша Планта был спокоен, словно у себя в саду, и хладнокровно поглядывал на остальных.

— Все-таки надо решиться, — вздохнул он и толкнул дверь.

¹ Центральный эпизод Крымской (Восточной) войны (1853—1856) между Россией, с одной стороны, и Великобританией, Францией, Турцией и Сардинским королевством, с другой стороны. Кампания в Крыму длилась с сентября 1854-го по начало 1856 года.

В комнате, куда они вошли, ничего необычного не оказалось. Это был будуар — голубой атлас на стенах, диван и четыре кресла с одинаковой обивкой. Одно из кресел, опрокинутое, лежало на полу.

Следующей была спальня. Она подверглась ужасающему разгрому, от которого мороз продирает по коже. Любой предмет мебели, любая безделушка свидетельствовали о жестокой, отчаянной, беспощадной борьбе между убийцами и жертвами. Посреди комнаты — перевернутый лаковый столик, вокруг — куски сахара, позолоченные чайные ложки, осколки фарфора.

— Ах! Хозяйева пили чай, когда ворвались злодеи, — воскликнул камердинер.

С каминной полки все сброшено. Часы, упав на пол, остановились на двадцати минутах четвертого. Рядом валялись лампы, их стекла разбились, масло вытекло.

Кровать накрывал сорванный полог. Видимо, кто-то в отчаянии цеплялся за него. Вся мебель перевернута. Обивка кресел вспорота ножом, из некоторых вылез конский волос. Секретер взломан, расколотая крышка висит на петлях, ящики открыты и пусты. Зеркало платяного шкафа разбито вдребезги, прелестный комод работы Буля и столик для рукоделия тоже разломаны, туалет опрокинут. И все — ковер, обои, мебель, гардины, а главное, полог — в крови. Очевидно, граф и графиня де Трemorель долго и отважно защищали свои жизни.

— Несчастные, — прошептал г-н Куртуа, — несчастные! Здесь они нашли смерть. — И при воспоминании о своей дружбе с графом он вдруг забыл, что нужно изображать значительность, забыл про маску бесстрастности и разрыдался.

Всем присутствующим было не по себе. Тем не менее мировой судья все тщательно осматривал, записывал что-то в книжечку, заглядывал в каждый угол, а закончив, бросил:

— Теперь пошли дальше.

В остальных комнатах был такой же разгром. Создавалось впечатление, будто в доме провела ночь либо компания буйнопомешанных, либо шайка озверевших негодяев. В особенности пострадал кабинет графа. Убийцы даже не дали себе труда взла-

мывать замки, они просто рубили мебель топором. Причем они были уверены, что их никто не услышит: чтобы разнести в щепы массивное дубовое бюро, пришлось, видимо, рубить изо всей силы. На полу кучей валялись книги, выброшенные из книжного шкафа.

Преступники не пощадили ни гостиную, ни курительную. Диваны и стулья тут были испорчены, словно в них что-то искали. Обе комнаты для гостей тоже перевернуты вверх дном. На третьем этаже в первой же комнате рядом с уже атакованным, но еще не взломанным шкафчиком лежал топор, и камердинер опознал его.

— Ну, теперь ясно, — обратился мэ́р к папаше Планта. — Убийц было несколько. Расправившись с графом и графиней, они разбрелись по дому в поисках денег, о которых знали. Один из них взламывал шкафчик, но в это время другие нашли внизу спрятанные деньги. Его позвали, и он, решив, что искать больше нет смысла, бросил топор здесь.

— Я тоже так думаю, — согласился бригадир.

На первом этаже преступники ничего не тронули. Однако, покончив с жертвами и отыскав деньги, они решили подкрепиться. В столовой остались следы их пиршества. Они съели все остатки, оказавшиеся в буфете. На столе рядом с восемью пустыми бутылками из-под вина и ликеров выстроились пять бокалов.

— Их было пятеро, — сделал вывод мэ́р. Огромным усилием воли он принудил себя вновь принять холодно-невозмутимый вид. — Прежде чем пойти осмотреть трупы, я пошлю записку императорскому прокурору в Корбейль. Не позже чем через час к нам придет следователь и завершит наш прискорбный труд.

Г-н Куртуа приказал одному из жандармов заложить коляску графа и во весь опор скакать в Корбейль. После этого мэ́р и судья в сопровождении бригадира, камердинера и обоих Берто отправились к реке.

В «Тенистом доле» довольно большой парк, но он весь вытянут вдоль берега. От дома же до Сены не будет и двухсот шагов. Перед домом зеленеет прелестная лужайка, вокруг

которой разбиты цветочные клумбы. Ее огибают две аллеи, ведущие к реке.

Преступники, сокращая путь, пошли напрямик по газону, на котором явственно видны были их следы. Трава была истоптана и примята, словно по ней кого-то волокли. В центре газона валялось что-то красное. Это оказалась туфля, по заверению камердинера, принадлежавшая графу. Чуть подалее нашли белый фуляр, который слуга неоднократно, как он заявил, видел на шее графа. Фуляр был в крови.

Наконец подошли к ивам, где Филипп, собираясь срезать ветку для уключины, обнаружил труп. На этом месте песок был истоптан, можно даже сказать, перепахан, вероятней всего, ногами человека, пытавшегося найти спасительную опору. Все свидетельствовало о происходившей здесь отчаянной борьбе.

Г-н Куртуа мгновенно оценил всю важность этих следов.

— Всем оставаться на месте, — распорядился он и, сопровождаемый одним только судьей, приблизился к трупу.

Хотя убитая лежала вниз лицом, и мэр, и папаша Планта узнали графиню. Они не раз видели ее в этом сером платье, отделанном голубыми басонами. Но как графиня оказалась тут? Мэр предположил, что ей удалось вырваться из рук убийц, и, обезумев от ужаса, она кинулась бежать. За ней погнались, здесь настигли, нанесли последние удары, она рухнула и больше не встала. Такая версия объясняла следы борьбы. Тогда, выходит, через лужайку преступники волокли тело графа.

Г-н Куртуа с жаром разглагольствовал, пытаясь убедить в своих выводах мирового судью. Однако папаша Планта почти не слушал его, он словно где-то витал и отвечал лишь короткими «да», «нет», «возможно». А воодушевленный мэр все расхаживал взад-вперед, что-то замерял и старательно обследовал местность.

У берега глубина была не больше фута. Илистая отмель, на которой растут купы ирисов да несколько тщедушных кувшинок, полого спускалась к середине реки. Сквозь чистую неподвижную воду виднелся жирный, лоснящийся ил.

Внезапно г-на Куртуа поразила какая-то мысль.

— Подшофе! — крикнул он. — Идите сюда!

Старый браконьер приблизился.

— Вы говорили, что заметили тело с лодки?

— Да, господин мэр.

— А где ваша лодка?

— Причалена у луга.

— Ну-ка проводите нас к ней.

Всем присутствующим стало ясно, что приказ мэра напугал старика. Он вздрогнул, лицо его покрылось бледностью — она проступила даже сквозь загар. Более того, все отметили, как он бросил на сына прямо-таки угрожающий взгляд.

— Пойдемте, — наконец выдал он.

Все было повернули к дому, но тут камердинер предложил воспользоваться более короткой дорогой.

— Так будет быстрее, — сказал он. — Я сейчас принесу лестницу, и мы ее перекинем через канаву.

Не прошло и минуты, как он вернулся, неся импровизированные мостки. Но только он их уложил, раздался пронзительный крик мэра:

— Стойте! Стойте! — Г-ну Куртуа бросились в глаза следы, оставленные Подшофе и Филиппом на обоих берегах канавы. — Здесь проходили, и совсем недавно: следы свежие, — заключил мэр.

Через несколько минут, завершив осмотр следов, г-н Куртуа приказал переложить лестницу чуть подальше. На берегу он строгим голосом спросил у Подшофе:

— Значит, с этой лодки вы сегодня утром поднимали вентери?

— Да, сударь.

— В таком случае, где они? Потому что на этих сети совершенно сухие. К тому же ни багор, ни весла не погружались в воду по меньшей мере сутки.

Замешательство обоих браконьеров становилось все более явственным.

— Вы продолжаете настаивать на своем утверждении? — обратился мэр к старику.

— Само собой.

— А вы, Филипп?

— Сударь, — проямлил юноша, — мы сказали вам правду.

— Ну, разумеется! — усмехнулся г-н Куртуа. — В таком случае вы легко сможете объяснить представителю закона, как вам удалось заметить труп с лодки, в которую вы даже не влезали. А вам докажут, что лежащий там труп невозможно — вы слышите? — совершенно невозможно увидеть с середины реки. Потом вам придется рассказать, кто оставил обнаруженные мною следы, и те — на траве, и эти, ведущие от вашей лодки к канаве, через которую не один раз переправлялись несколько человек.

Оба Берто поникли головой.

— Бригадир, — приказал мэр, — именем закона арестуйте этих людей и не позволяйте им общаться между собой.

Филипп, казалось, вот-вот лишится чувств. Что же касается Подшофе, он лишь пожал плечами и буркнул сыну:

— Ну, добился своего?

Бригадир увел обоих арестованных и запер в разных комнатах, поставив жандарма караулить, а судья и мэр тем временем вернулись в парк.

— Однако никаких следов графа, — недоуменно бормотал г-н Куртуа.

Теперь предстояло убрать труп графини. Мэр велел принести две доски и с величайшими предосторожностями положить их так, чтобы не затоптать столь драгоценные для следствия следы.

Увы, что стало с очаровательной красавицей графиней де Трemorель! Во что превратилось ее свежее приветливое лицо, прекрасные выразительные глаза, изящные, тонко очерченные губы! Как страшно переменялась она! Распухшее, покрытое грязью и окровавленное лицо представляло собой одну сплошную рану; на голове вместе с кожей вырвана прядь волос, платье в лохмотьях.

Чудовища, убившие несчастную женщину, были, вне всяких сомнений, охвачены безумной яростью. Ей нанесли более двадцати ударов ножом, били палкой или, вероятней всего, молотком, пинали ногами, драли за волосы... В левой руке она сжимала клочок обычного серого сукна, вероятно, оторванного от одежды одного из убийц.

Записывая эти ужасные подробности себе в книжечку, несчастный мэр вдруг почувствовал, что ноги не держат его, и ему пришлось опереться о невозмутимого папашу Планта.

— Надо перенести графиню в дом, — распорядился мировой судья, — а после займемся поисками тела графа.

Камердинеру и только что вернувшемуся бригадиру пришлось призвать на помощь прислугу, которая до сих пор оставалась во дворе. Женщины ринулись в парк, и он тут же огласился душераздирающими рыданиями, воплями и проклятиями:

— Изверги! Такая славная женщина! Такая добрая хозяйка!

Из этого можно заключить, что слуги любили графа и графиню де Треморель.

Не успели положить тело графини на бильярдный стол в первом этаже, как мэра оповестили о прибытии судебного следователя и врача.

— Наконец-то! — возликовал г-н Куртуа и чуть тише добавил: — Да, вот она, обратная сторона медали!

Впервые в жизни он по-настоящему проклинал свое тщеславие и жалел, что является самым значительным лицом в Орсивале.

III

Следователем корбейльского суда в ту пору был небезызвестный г-н Антуан Домини, который впоследствии занимал многие видные посты. Представьте себе человека лет сорока, весьма приятной наружности, с живым, выразительным лицом, но крайне, прямо-таки безмерно серьезного. Казалось, он воплощает в себе всю внушительность и отчасти даже чопорность судейского сословия.

Проникнутый величием своей профессии, он посвятил ей всю жизнь, отказавшись от каких бы то ни было мелких радостей и невинных удовольствий. Г-н Домини жил одиноко, не бывал в обществе, встречался с крайне немногочисленным кругом друзей, не желая, как он выражался, чтобы человеческие слабости могли хоть в какой-то мере повлиять на отправление

его священных обязанностей и тем самым умалить почтение, какое должно ему оказывать. По этой причине он не женился, хотя чувствовал, что создан для семейной жизни. Везде и во всем он был представителем закона, иначе говоря, являл собой фанатического служителя божества, выше которого на свете ничего нет, — правосудия.

Веселый по натуре, он замыкал себя на два оборота всякий раз, когда ему хотелось рассмеяться. Остроумие было не чуждо ему, но, можете быть уверены, он долго корил бы себя, если бы позволил вырваться остроте или шутливому словцу. Г-н Домини душой и телом был предан своей профессии, и никто не исполнял свой долг добросовестней, чем он. Но и непреклонен он был, как никто другой. Обсуждать статью кодекса казалось ему кощунством. Так гласит закон, и этого достаточно. Он закрывал глаза, затыкал уши и повиновался.

Как только начиналось следствие, у него пропадал сон, и не было преград, которые он не преодолел бы ради обнаружения истины. Однако на службе его не слишком ценили: ему претило бороться с подследственным с помощью разных уловок; подстраивать преступнику ловушки, говорил он, постыдно; и, наконец, он был упрям, упрям до глупости, до абсурда, до готовности отрицать очевидное.

Мэр Орсиваля и папаша Планта вскочили и устремились навстречу следователю. Г-н Домини поздоровался так церемонно, словно не был с ними знаком, и представил своего спутника, человека лет шестидесяти:

— Доктор Жандрон.

Папаша Планта обменялся с доктором рукопожатиями, г-н мэр адресовал ему самую сердечную из официальных улыбок. Дело в том, что доктора Жандрона отлично знали и в Корбейле, и во всем департаменте; более того, он был знаменит, несмотря на близость Парижа.

Незаурядный практикующий врач, любивший свою профессию и со страстью отдавшийся ей, доктор Жандрон тем не менее был обязан известностью не столько своим знаниям, сколько образу жизни. «Оригинал» — говорили про него и восхищались его независимостью, скептицизмом и прямоотой.

Больных он посещал от пяти до девяти утра, будь то летом или зимой. Ну а если кого это не устраивает, ради бога, обращайтесь к другим, во врачах недостатка нет. После девяти он уже не доктор. Он занимается своими делами: копается в оранжерее, возится в погребе, варит в лаборатории на чердаке какие-то таинственные смеси. Поговаривали, будто он ищет секреты промышленной химии, чтобы округлить свою двадцатипяти тысячную ренту, а такое занятие, как известно, малопочтенно.

Доктор Жандрон не опровергал этих слухов, хотя на самом деле занимался ядами и усовершенствовал прибор собственного изобретения, с помощью которого можно будет обнаружить следы любых алкалоидов, до сих пор ускользавших от анализа. Когда же друзья в шутку упрекали его за то, что днем он спрашивает пациентов, доктор Жандрон багровел от возмущения.

— Черт вас возьми! — ярился он. — Экие вы добренькие! Четыре часа в день я — врач, а поскольку платит мне, дай бог, лишь четверть моих больных, то получается, что ежедневно три часа я отдаю человечеству, которое презираю, и занимаюсь благотворительностью, на которую мне начхать. Вот когда каждый из вас будет отдавать столько же, тогда и поговорим.

Орсивальский мэр проводил прибывших в гостиную, где он только что обосновался сам, чтобы написать отчет о проделанном расследовании.

— Это убийство, — обратился он к судебному следователю, — такое несчастье, такой позор для моей коммуны! Отныне репутация Орсиваля навеки запятнана.

— Я пока в полном неведении или в почти полном, — заметил г-н Домини. — Присланный вами жандарм ничего толком не смог рассказать.

Тут г-н Куртуа принялся пространно повествовать обо всем, что ему удалось узнать в результате всестороннего следствия, не забывая самых ничтожных деталей и особенно упирая на достойные всяческого восхищения предосторожности, какие он счел необходимым принять. Он сообщил, как поначалу поведение отца и сына Берто усыпило его подозрения,

но как впоследствии он поймал их с поличным на лжи и наконец принял решение арестовать.

Запрокинув голову назад, он говорил напыщенно, велеречиво, выбирая самые ученые слова, и упивался собой. В его речи постоянно мелькали «я как мэр Орсиваля» и «вследствие чего». Наконец-то г-н Куртуа получил возможность продемонстрировать, как превосходно он исполняет свои обязанности, и удовольствие от этого несколько приглушило его страхи.

— А только что я распорядился произвести самые тщательные поиски, вследствие чего, не сомневаюсь, будет обнаружено тело графа. Пять человек, которых я назначил, и вся здешняя прислуга прочесывают парк. Если же их усилия не увенчаются успехом, у меня в распоряжении имеются рыбаки, которые будут искать убитого на речном дне.

Судебный следователь молчал и лишь иногда кивал головой в знак одобрения. Он оценивал сообщаемые сведения, взвешивал их и мысленно уже выстраивал план следствия.

— Господин мэр, вы действовали чрезвычайно разумно. Несчастье, конечно, огромное, но я согласен с вами и тоже считаю, что мы напали на след убийц. Браконьеры, которые уже у нас в руках, и пока что не вернувшийся садовник, несомненно, каким-то образом причастны к этому чудовищному злодеянию.

Папаша Планта уже несколько минут с переменным успехом сдерживал нетерпение.

— Вся беда в том, — вставил он, — что если Гепен виновен, вряд ли он будет настолько глуп, чтобы явиться сюда.

— Ничего, мы его разыщем, — ответил г-н Домини. — Перед выездом из Корбейля я отправил в Париж в префектуру полиции телеграфную депешу с просьбой прислать сыщика и полагаю, он скоро будет здесь.

— А пока он не приехал, — предложил мэр, — не хотели бы вы, господин судебный следователь, осмотреть место преступления?

Г-н Домини привстал было со стула, но тут же снова сел.

— Прежде я предпочел бы получить какие-нибудь сведения о графе и графине де Треморель.

Для г-на Куртуа вновь настал миг торжества.

— О! — воскликнул он. — Никто не сможет это сделать лучше меня. Смею вас заверить, я был одним из самых близких друзей графа и графини с той поры, как они поселились у меня в коммуне. Ах, сударь, какие это были очаровательные, прекрасные люди! А какие благожелательные и уважительные! — И при воспоминании о достоинствах погибших друзей у г-на Куртуа комок подкатил к горлу. — Графу де Трemorелью было тридцать четыре, красавец, необыкновенного ума... Правда, иногда у него случались приступы меланхолии, когда он никого не желал видеть, но обычно он бывал так учтив, любезен, предупредителен. Да, он умел быть аристократом, но без кичливости, и потому все в моей коммуне уважали и любили его.

— А графиня? — спросил судебный следователь.

— Ангел, сударь, ангел во плоти! Бедная женщина! Когда вы увидите ее останки, вам, конечно, трудно будет представить, что она была первой красавицей в округе.

— Они были богаты?

— Разумеется! Вместе у них было больше ста тысяч ренты. Да что я говорю! Много больше, потому что граф, у которого не было склонности к сельскому хозяйству, как у бедняги Соврези, продал земли, чтобы приобрести ренту.

— Они давно женаты?

Г-н Куртуа, призывая на помощь память, почесал в затылке.

— В сентябре прошлого года, то есть ровно девять месяцев назад, я самолично скрепил их брак. Как раз прошел год после смерти несчастного Соврези.

Следователь перестал записывать и с удивлением воззрелся на г-на Куртуа.

— А кто этот Соврези, которого вы уже вторично упоминаете?

Папаша Планта давно бесился от нетерпения, хотя внешне казался совершенно спокойным. Теперь он вскочил со стула и заявил:

— Господин Соврези — первый муж графини де Трemorель. Мой друг Куртуа оставил этот факт без внимания.

— Но мне кажется, — обиженно возразил мэр, — что к этому делу...

— Простите, — прервал его судебный следователь, — этот факт может оказаться очень важным, хотя на первый взгляд представляется незначительным и не имеющим касательства к делу.

— Незначительным, — хмыкнул папаша Планта. — Не имеющим касательства...

Его тон был до того странен, а на лице было написано такое сомнение, что судебный следователь даже удивился.

— Вы что же, сударь, не согласны с мнением господина мэра о супругах де Треморель?

— У меня вообще нет мнения, — пожал плечами папаша Планта. — Я живу одиноко, ни с кем не вижусь, и вообще все это меня не касается. Тем не менее...

— Мне кажется, — вновь вклинился в разговор г-н Куртуа, — никто лучше меня не может знать жизнь людей, являвшихся моими друзьями и проживавших в моей коммуне.

— В таком случае вы неудачно рассказываете о них, — сухо возразил папаша Планта.

Поскольку судебный следователь попросил его объяснить, что он имеет в виду, папаша Планта, к величайшему неудовольствию мэра, оттесненного на второй план, изложил в общих чертах историю женитьбы графа и графини.

Графиня де Треморель, урожденная Берта Лешайю, была дочерью бедного деревенского учителя. К восемнадцати годам она стала самой красивой девушкой на три лье в округе, но, поскольку единственным ее приданым были огромные голубые глаза да великолепные белокурые волосы, поклонников, то есть поклонников, имеющих серьезные намерения, у нее почти не было.

Берта уже смирилась с тем, что ей суждено вековать в старых девах, и по настоянию родителей решила удовлетвориться местом учительницы, крайне ничтожным для такой красавицы, как вдруг ее увидел и в нее влюбился наследник самого богатого здешнего землевладельца.

Клеману Соврези исполнилось тридцать, родители у него умерли, и он был обладателем почти сотысячной ренты

и владельцем наилучших и плодороднейших земель в округе, причем совершенно свободных от закладных. Так что, сами понимаете, у него было право взять жену по собственному вкусу.

Он не раздумывал ни минуты. Попросил руки Берты, получил согласие и месяц спустя сочетался с нею браком к огромному возмущению здешних любителей посплетничать, шипевших: «Безумец! Какой смысл быть богатым, как не для того, чтобы удвоить состояние выгодной женитьбой?»

Примерно за месяц до свадьбы Соврези прислал в «Тенистый дол» рабочих и через три недели уплатил за ремонт и меблировку сущий пустяк — тридцать тысяч экю¹. В этом очаровательном поместье новобрачные провели медовый месяц, и оно им так понравилось, что они решили остаться здесь навсегда к радости всех, кто был с ними в дружеских отношениях. Они сохранили за собой только дом в Париже.

Берта принадлежала к тем женщинам, которые, кажется, рождены, чтобы выйти замуж за миллионера. Легко и непринужденно она перешла из убогой школы, где помогала отцу, в богатую гостиную «Тенистого дола». А когда она принимала в своем замке здешних аристократов, возникало впечатление, будто всю жизнь она только это и делала. Она умела быть простой, приветливой, скромной и в то же время светской. Ее любили.

Соврези тоже любили. Это был человек с золотым сердцем, просто неспособный причинить кому-нибудь зло, человек с установившимися взглядами, упорный в своих иллюзиях, и никакие сомнения не могли подрезать им крылья. Да, Соврези был из тех, кто наперекор всему верит в дружбу своих друзей и в чувства возлюбленной.

Этой паре на роду было написано счастье, и она была счастлива. Берта обожала мужа, этого достойнейшего человека, который предложил ей руку даже прежде, чем объяснился в любви. А он боготворил жену до такой степени, что многим это казалось просто смешным.

¹ Монета в пять франков.

В «Тенистом доле» жили на широкую ногу. Много принимали. С началом осени комнаты для гостей — а таких комнат хватало — никогда не пустовали. Экипажи были выше всяких похвал.

И вот на третьем году супружества однажды вечером Соврези привез из Парижа старого друга еще по коллежу графа Эктора де Трemorеля, о котором много говорили в свете. Соврези сказал, что граф поживет у них недельки две-три, но проходили недели, месяцы, а гость и не думал уезжать.

Никого это не удивляло. У Эктора была более чем бурная молодость, в которой хватало всего — кутежей, дуэлей, пари, романов. Он промотал колоссальное состояние, и относительно спокойная жизнь в «Тенистом доле», видимо, пришлось ему по душе.

Поначалу ему частенько задавали вопрос: «Вам не наскучило в деревне?» В ответ он только улыбался. А многие полагали, и не без оснований, что, разорившись, он не слишком горел желанием демонстрировать свою бедность тем, кого совсем недавно уязвляло его богатство.

Отлучался граф редко и то лишь, чтобы прогуляться пешком в Корбейль. Там он заглядывал в лучшую гостиницу «Бель имаж» и как бы по случайности встречался с некоей молодой дамой, приезжавшей из Парижа. Они вместе проводили день и расставались перед отходом последнего поезда.

— Черт побери! — буркнул мэр. — Наш дорогой судья чертовски много знает для человека, который живет одиноко, ни с кем не видится и не желает соваться в чужие дела.

Г-н Куртуа, разумеется, чувствовал себя уязвленным. Как так, он, первый человек в коммуне, не имел ни малейшего представления об этих свиданиях? Но настроение его испортилось еще больше, когда доктор Жандрон заметил:

— Да в свое время об этом весь Корбейль чесал языки!

Папаша Планта соорудил гримасу, видимо, означающую: «Я еще много чего знаю» — и продолжал повествование.

— Оттого что граф Эктор поселился в «Тенистом доле», жизнь в замке ничуть не изменилась. У г-на и г-жи Соврези появился брат, только и всего. И если Соврези в ту пору часто ез-

дил в Париж, то лишь потому — и это ни для кого не было секретом, — что он занимался делами своего друга.

Эта идиллия продолжалась целый год. Казалось, счастье навеки поселилось под сенью «Тенистого дола». Но, увы, однажды вечером, вернувшись с охоты на болотах, Соврези почувствовал себя настолько плохо, что ему пришлось лечь в постель. Послали за врачом. К сожалению, то был не наш друг доктор Жандрон. Он установил воспаление легких.

Соврези был молод, могуч, как дуб, так что поначалу никто не встревожился. И действительно, через две недели он был уже на ногах. Однако не поберегся и снова слег. Примерно через месяц он выздоровел, но неделю спустя болезнь возобновилась, и на этот раз в такой тяжелой форме, что начали опасаться печального исхода.

Но зато как ярко проявились во время этой нескончаемой болезни любовь жены и привязанность друга! Никогда ни один больной не был окружен подобной заботой, не получал столько доказательств безмерной и неподдельной преданности. Днем и ночью Соврези видел у своего изголовья либо жену, либо друга. У него бывали часы страданий, но не было ни минуты скуки. И всем, кто приходил его навестить, он неизменно повторял, что готов благословлять свой недуг. Мне, например, он сказал: «Не заболею я, мне бы никогда не узнать, как меня любят».

— Эти же слова, — вмешался мэр, — он сто раз повторял и мне, и госпоже Куртуа, и моей старшей дочери Лоранс.

— Однако болезнь Соврези, — продолжал папаша Планта, — оказалась из тех, перед какими бессильны и знания опытейших врачей, и заботы самых преданных сиделок. Соврези, если верить ему, не очень страдал, он просто таял на глазах, превращаясь в собственную тень. И вот наконец он умер ночью, в третьем часу, на руках жены и друга.

До последней минуты он сохранял ясность мысли. Примерно за час до того, как испустить последний вздох, он попросил разбудить и созвать слуг. Когда они собрались у его ложа, он взял руку жены, вложил ее в руку графа де Тремореля и заставил их поклясться, что, когда его не станет, они поженятся.

Берта и Эктор пытались протестовать, однако он настаивал, умолял, заклинал, твердя, что их отказ отравляет его предсмертные мгновения, и они вынуждены были уступить.

Надо сказать, мысль о браке его вдовы с другом прямо-таки захватила Соврези в последние дни перед смертью. В преамбуле к завещанию, продиктованному накануне кончины орсивальскому нотариусу г-ну Бюри, Соврези официально заявил о горячем желании, чтобы этот союз состоялся, и об уверенности, что брак принесет им обоим счастье и будет способствовать сохранению благодарной памяти о нем.

— У господина и госпожи Соврези были дети? — поинтересовался следователь.

— Нет, — ответил мэр.

Папаша Планта продолжал рассказ.

— Скорбь графа и молодой вдовы была безмерна. Господин де Треморель впал в совершенное отчаяние, можно было подумать, что он обезумел. Графиня никого не хотела видеть, даже таких близких людей, как госпожа Куртуа и ее дочери. Когда граф и Берта начали вновь выходить, их нельзя было узнать — так они изменились. Особенно господин Эктор: казалось, он постарел лет на двадцать.

Исполнят ли они клятву, данную у смертного ложа Соврези, клятву, которая ни для кого не была тайной? Все обсуждали эту проблему с таким же пылом, с каким восхищались столь глубокой скорбью по замечательному и вполне достойному подобной скорби человеку.

Судебный следователь кивком остановил папашу Планта и спросил:

— А не знаете ли вы, господин мировой судья, прекратились или нет эти свидания в гостинице «Бель имаж»?

— Полагаю и уверен, что да.

— Я тоже уверен в этом, — подтвердил доктор Жандрон. — Я неоднократно слышал — в Корбейле все всем становится известно — про весьма бурную сцену между господином де Треморелем и хорошенькой дамой из Парижа. После этого ее в «Бель имаж» больше не видели.

— Мелён находится не на краю света, — с улыбкой заметил папаша Планта, — а гостиницы есть и там. На хорошей лошади не так уж далеко до Фонтенбло, Версаля или даже до Парижа. Госпожа де Треморель могла ревновать, а в конюшне ее мужа были превосходные рысаки.

Что это было — ни к чему не обязывающее замечание? Намек? Г-н Домини вопросительно глянул на папашу Планта, но лицо мирового судьи не отражало ничего, кроме глубочайшей безучастности. Он просто рассказывал эту историю, как мог рассказать любую другую.

— Прошу вас, сударь, продолжайте.

— Увы! — вздохнул папаша Планта. — Ничто не вечно под луной, даже скорбь, и я знаю это лучше, чем кто-либо другой. Безудержные слезы и неистовое отчаяние первых дней вскоре сменились сдержанным горем, а потом и мягкой печалью. А когда минул ровно год со смерти Соврези, господин де Треморель сочетался браком с его вдовой.

На всем протяжении этого довольно долгого рассказа мэрс Орсиваля неоднократно выказывал признаки живейшего недовольствия. К концу он уже не мог сдержать его.

— Сведения абсолютно верны, верней и быть не может. Но я хочу спросить, какое отношение они имеют к той важной проблеме, которой мы заняты: как найти убийц графа и графини?

— Мне эти сведения необходимы, — ответил г-н Домини, — и я считаю их весьма полезными. Очень меня беспокоят эти свидания в гостинице. Никогда не известно, до какой крайности может дойти женщина под влиянием ревности... — Он внезапно умолк, прикидывая, вероятно, какая может существовать связь между красивой парижской дамой и убийцами, но тут же продолжил: — Теперь, когда я узнал супругов Треморель так, словно был знаком с ними, перейдем к нынешней ситуации.

Глаза папашы Планта вдруг вспыхнули, он приоткрыл рот, словно намереваясь что-то сказать, но смолчал. И только доктор, внимательно наблюдавший за ним, заметил, как на миг изменилось выражение его лица.

— Мне остается лишь узнать, как жили новобрачные, — произнес г-н Домини.

Г-н Куртуа решил, что для поддержания своего престижа он должен опередить папашу Планта.

— Вы спрашиваете, как жили новобрачные? — перебил он. — Они жили в полном согласии, и у меня в коммуне никто не знает этого лучше, чем я, который был задушевым... самым близким другом. Память о несчастном Соврези была теми узами счастья, что соединяли их. И если они меня так любили, то лишь потому, что я часто говорил с ними о Соврези. Ни единая тучка не омрачала их отношений. Наш дорогой, незабвенный граф — я по-дружески звал его Эктором — относился к жене с изысканной заботливостью, как к возлюбленной, а ведь супруги — я не боюсь так говорить, — как правило, слишком быстро отвыкают от этого.

— А графиня? — поинтересовался папаша Планта, и голос его звучал так невинно, что за этим явно скрывалась насмешка.

— Берта? — воскликнул мэр. — Она была не против того, чтобы я по-отечески называл ее по имени. О, я много раз ставил ее в пример и образец госпоже Куртуа! Да, Берта была достойна и Соврези, и Эктора, этих самых достойных людей, каких я знал в жизни! — Заметив, что его восторг несколько изумляет слушателей, почтенный мэр чуть сбавил тон. — Я должен кое-что объяснить и ничуть не сомневаюсь, что могу это сделать перед людьми, чья профессия, а главное, характер служат гарантией соблюдения тайны. Соврези очень помог мне, когда... я вынужден был согласиться стать мэром. Ну а Эктор... Я знал, что он порвал с заблуждениями юности, и когда заметил, что он равнодушен к моей старшей дочери Лоранс, то с радостью думал об этом браке, незазорном для обеих сторон: граф де Трemorель был аристократ, а я давал за дочь более чем приличное приданое, достаточное, чтобы любой потускневший герб вновь засверкал золотом. Однако события воспрепятствовали моим планам.

Мэр еще долго возглашал бы хвалы супругам Трemorель, а заодно и себе, если бы слово не взял судебный следователь.

Літературно-художнє видання

Серія «Золоте століття детектива»

ГАБОРІО Еміль
Злочин в Орсівалі
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *Ю. В. Леонтієва*
Художній редактор *А. В. Ачкасова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Комп'ютерна верстка *Є. М. Фоміної*
Коректор *О. А. Степанова*

Підписано до друку 14.08.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 18,48. Наклад 5500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000. 61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Серия «Золотой век детектива»

ГАБОРИО Эмиль
Преступление в Орсивале
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Ю. В. Леонтьева*
Художественный редактор *А. В. Ачкасова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Компьютерная верстка *Е. М. Фоминой*
Корректор *О. А. Степанова*

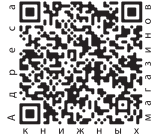
Подписано в печать 14.08.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 18,48. Тираж 5500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000. 61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Пан Лекок — справжній геній розшуку. Славу грози злочинного світу він отримав завдяки тонкому чуттю та неабиякій запевнятості. Талановитому детективові під силу розкрити найзаплутанішу справу. Заради цього Лекок навіть готовий ризикнути життям. Тим більше, що йому не звикати ставити на карту все... Особливо, коли справа стосується страшного і загадкового вбивства жінки, чье тіло було знайдено на березі Сени місцевими браконьєрами ...

Габорио Э.

Г12 Преступление в Орсивале : роман / Эмиль Габорио. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 352 с. — (Серия «Золотой век детектива», ISBN 978-617-12-4727-7)

ISBN 978-617-12-5411-4

Господин Лекок — настоящий гений сыска. Славу грозы приступного мира он обрел благодаря тонкому чутью и незаурядной предприимчивости. Талантливому сыщику под силу раскрыть самое запутанное дело. Ради этого Лекок даже готов рискнуть жизнью. Тем более, что ему не привыкать ставить на карту все... Особенно, когда дело касается страшного и загадочного убийства женщины, чье тело было найдено на берегу Сены местными браконьєрами...

УДК 821.133.1.0